

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильевский В. Г. Житие Стефана Нового // Труды. СПб. 1912. Т. 2. Вып. 2.
2. Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. СПб. 1878. Ч. 195 (январь).
3. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев. 1914.
4. Кулаковский Ю. А. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП. 1898. февраль.
5. Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Вып. 5.
6. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. М., 1908.
7. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М.; Л. 1964.
8. Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. 168.
9. Барапов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодальная Таврика. Киев. 1974.
10. Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. № 57.
11. Герцен А. Г. Система оборонительных сооружений Мангуна. Автореферат канд. дисс. Л. 1984.
12. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
13. Деяния вселенских соборов. Казань, 1873. Т. 7.
14. Кенпен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб. 1837.
15. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М. 1960.
16. Meier F., Mommsen C. Atlas de l'antiquite chretienne. Paris, Bruxelles, 1960.
17. Paulys Real-encyclopaedie der classischen altertums — Wissenschaft. Stuttgart, 1936. Bd. 17.
18. Васильев А. А. Лекции по истории Византии. Пд., 1917. Т. 1.
19. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
20. Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Тез. докл. юбил. конф. Ч. III. Херсон: ХКМ, 1990.
21. Герцен А. Г. К вопросу о территории Херсонской фемы // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Севастополь, 1988.

А. Р. НИКИФОРОВ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ГЕНУЭЗСКИХ ГОРОДОВ-КОЛОНИЙ КРЫМА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Центральное место среди различных аспектов генуэзской колонизации, получивших освещение в трудах советских исследователей, занимают вопросы социально-экономической истории колоний. Правда, первым крупным произведением по истории генуэзских колоний, которое в полной мере можно отнести уже к советской историографии, стала книга Е. Ч. Скржинской «Inscriptions latines des Colonies Genoises en Crimes», вышедшая в Генуе в 1928 г. Основная часть работы представляет собой публикацию полного свода генуэзских эпиграфических памятников Каффы, Солдаи и Чембало (1, с. 31—140). Предваряет публикацию очерк истории городов-колоний генуэзцев, в котором основное внимание уделяется вопросам, традиционным для дореволюционной историографии (1, с. 5—27). Лишь опубликованные в 1937 и 1940 гг. работы Е. С. Зевакина и Н. А. Пепяко положили начало почти без-

раздельной гегемонии социально-экономической проблематики в отечественной научной литературе, посвященной истории генуэзской колонизации (2, с. 72—129; 3, с. 3—33).

В первой половине 50-х гг. стремление заявить о своей приверженности к марксистско-ленинской методологии в ее трактовке, характерной для того времени, заставило советских исследователей в слепном порядке дать оценку характеру деятельности генуэзцев в Северном Причерноморье, их влиянию на судьбы народов, населявших этот регион в XIII—XV вв. При этом рассмотрение конкретных вопросов истории колоний отодвигалось на второй план, страдало зачастую схематичностью, становилось подчиненным заранее сформулированным выводам.

В публикациях первой половины 50-х гг. роль генуэзцев в истории Северного Причерноморья характеризуется как грабительская,

а последствия их деятельности классифицируются как разрушительные для экономики территорий, прилегающих к Черному морю. Такая оценка полностью соответствовала решению Объединенной научной сессии Отделения истории и философии Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма, принятому в 1952 г., которое содержало требование «разоблачить мнимую культуртрегерскую роль генуэзцев в Крыму» (4, с. 5).

Впервые обосновывается вывод о том, что генуэзская колонизация оказала исключительно негативное воздействие на хозяйственную жизнь средневекового Крыма в кандидатской диссертации М. К. Старокадомской (5, с. 5).

Подобные же взгляды нашли отражение в рецензии В. В. Стоклицкой-Терешкович на исследование польского историка М. Маловиста, посвященное генуэзской Каффе. Выступая против вывода М. Маловиста о положительном значении генуэзской колонизации для экономического развития Крыма, рецензент оценивает ее как эксплуататорскую, что, по его мнению, особенно ярко проявилось в работоторговле, активное поощрение которой генуэзцами подорвало экономические ресурсы Причерноморья и, в конечном итоге, предопределило их падение (6, с. 203).

Негативную оценку социально-экономической роли генуэзской колонизации в истории крымского средневековья дает С. А. Секиринский. В тезисах его доклада на уже упоминаемой нами сессии по вопросам истории Крыма проводится критика положений западноевропейской историографии, представители которой обвиняются докладчиком в том, что, приписывая генуэзцам функцию культуртрегеров, они всячески стремились приуменьшить значение местного населения в процессе образования и развития городов в XIII—XV вв. (7, с. 4—6). Критика взглядов зарубежных исследователей содержится и в книге С. А. Секиринского «Очерки истории Сурожка» (8, с. 4). В ней отмечается также, что генуэзская колонизация имела не только торговую направленность, но и сопровождалась территориальной экспансией, что свидетельствует о ее захватнической сущности (8, с. 32).

Сформировавшаяся в работах М. К. Старокадомской, В. В. Стоклицкой-Терешкович, С. А. Секиринского концепция генуэзской колонизации Крыма надолго утвердилась в оте-

чественной историографии и в значительной степени определила направления ее дальнейшего развития.

Торговля несомненно являлась важнейшим фактором жизнедеятельности крымских колоний генуэзцев. Именно коммерческие интересы привели их на берега Черного моря, от колебания торговой конъюнктуры во многом зависела как экономическая, так и политическая устойчивость их позиций в черноморских владениях. В исследованиях, посвященных истории генуэзских колоний, вопросы, связанные с торговлей, традиционно занимают одно из ведущих мест.

Рассмотрение торговой деятельности как составной части социально-экономической жизни позволило советским исследователям по-новому взглянуть на многие стороны генуэзской колонизации. Однако стремление проиллюстрировать фактическим материалом заведомо определенные выводы и вытекающая из этого тенденциозность в отборе фактов долгое время почти полностью сводили на нет открывшиеся в результате такого подхода новые возможности.

В работах советских исследователей особое внимание уделено рассмотрению соотношения левантийской и местной торговли в различные периоды существования генуэзских колоний, а также вопросу об участии в транзитной торговле с Востоком генуэзцев и вообще западноевропейцев.

М. К. Старокадомская и И. А. Гольдшмидт отстаивают мнение, что на рынках крымских городов товары местного производства (производимые непосредственно в Причерноморье) значительно преобладали над левантийскими (5, с. 6; 9, с. 9).

Несколько иначе оценивают соотношение местных и восточных товаров в торговле генуэзских городов-колоний другие советские исследователи. В. В. Стоклицкая-Терешкович в целом согласна с выводами М. Маловиста, что левантийские товары лишь с конца XIV в. постепенно уступают ведущее место в обороте торговых центров Крыма продуктам местного производства, а также изделиям, поступающим из стран Восточной и Юго-Восточной Европы (6, с. 202). А. М. Чеперис считает, что уже в 80—90-е гг. XIII в. Каффа стала важным транзитным пунктом на путях международной торговли (10, с. 44).

Наиболее подробно данный вопрос был освещен в статье В. В. Вадяна и А. М. Чепериса «Торговая Каффа в XIII—XV вв.». Ав-

горы этой публикации выделяют три основных периода в развитии торговых связей генуэзской Каффы. Они считают, что наивысшего расцвета торговля этого города достигла в первый период (вторая половина XIII—XIV вв.), характеризовавшийся устойчивыми связями не только с Русью, Поволжьем, Кавказом, но и с Египтом, Индией, Китаем (11, с. 175). В статье указываются наиболее важные торговые маршруты, протянувшиеся через Каффу к берегам Индийского и Тихого океанов (11, с. 182—185).

С конца XIV в., после того, как многие из караванных путей, ведущих на восток, были разрушены, левантийские товары в ассортименте каффинского рынка постепенно теряют свой прежний удельный вес и начинают уступать место продуктам причерноморского и русского производства, хотя, по мнению В. В. Бадяна и А. М. Чинериса, в первой половине XV в. (второй период развития торговли Каффы) значение города в связях европейских рынков с Востоком по-прежнему оставалось достаточно велико (11, с. 187). Только после захвата турками-османами Константинополя в 1453 г. торговля Каффы вступила в полосу кризиса (третий период). Диапазон коммерческой деятельности купечества города в 50—70-е гг. XV в. заметно сузился, но даже в это время товары Востока попадали отсюда в Западную Европу новыми, сухопутными маршрутами через Молдавию и Польшу (11, с. 187—189).

Таким образом, если М. К. Старокадомская и И. А. Гольдшмидт считают, что в торговле генуэзских городов-колоний Крыма на всем протяжении их существования приоритет принадлежал товарам, производимым в Причерноморье, то В. В. Стоклицкая-Терешкович, В. В. Бадян и А. М. Чинерис сходятся во мнении, что значение этих товаров для рынков, контролируемых генуэзцами, возрастало постепенно, по мере сокращения объемов левантийской торговли.

Необходимо отметить, что ни у кого из представителей советской историографии не вызывает сомнения интенсивность и достаточно широкий ассортимент местной торговли уже на начальных этапах проникновения генуэзцев в пределы Черного и Азовского морей. Важное значение продуктов местного производства для торговой деятельности в генуэзских колониях признается и крупнейшими зарубежными учеными. Так, немецкий

историк прошлого века В. Гейд в перечне товаров, поступающих в Каффу, называет соль, зерно, рыбу (12, с. 92). Современный французский исследователь М. Балар отмечает высокий уровень хлебной торговли этого города едва ли не с момента его возникновения (13, с. 118). Но вместе с тем, особенно в XIV в., главным образом караванная торговля с Востоком определяла масштабы коммерческих связей каффинского купечества и торговых кругов других городов Северного Причерноморья.

Не все городские центры черноморского региона вписались в новую структуру торговли, ряд из них оказался на обочине караванных путей и их экономическое значение сошло на нет, по общей обстановке, созданная перемещением маршрутов движения восточных товаров к берегам Черного моря, благоприятствовала прогрессу городской жизни и хозяйственному развитию этого региона в целом.

Подобная картина противоречит концепции колонизации, авторами которой были М. К. Старокадомская и И. А. Гольдшмидт. Очевидно, поэтому они отрицают масштабы и значение участия генуэзских колоний в международной торговле. Для подтверждения сформулированных этими авторами выводов более подходит утверждение, что генуэзские купцы, где это только представлялось возможным, с помощью односторонних преимуществ и неэквивалентного обмена фактически эксплуатировали причерноморские народы (9, с. 8). Подобное, несомненно, имело место, но этим не исчерпываются ни направления, ни последствия торговой деятельности генуэзцев.

Особое место в торговле Каффы и других генуэзских городов-колоний занимала работоторговля. Советские исследователи не прошли мимо этого специфического явления. Роль Каффы как крупнейшего в Причерноморье рынка рабов отмечает С. П. Карпов. Во времена генуэзского владычества в этом городе располагалась оффисия св. Антония, в ведении которой находилось осуществление контроля за экспортом рабов из колоний (14, с. 140). Этнический состав попадавших на каффинский рынок невольников анализируется в уже упоминавшейся работе В. В. Бадяна и А. М. Чинериса. Они утверждают, что основным регионом, откуда поставлялись рабы в генуэзскую Каффу, был Западный Кавказ (11, с. 179—180).

По-разному в разное время оценивалось советскими историками участие западноевропейских купцов в транзитной торговле между Западом и Востоком. В 50-е гг. эта оценка была однозначной. М. К. Старокадомская утверждала, что далее Солхата генуэзцы в поисках восточных товаров не отправлялись (5, с. 5). По мнению С. А. Секиринского, диапазон коммерческих связей генуэзского купечества был невелик и генуэзцы предпочитали пользоваться теми товарами, которые доставлялись в Каффу или Солхат купцами других национальностей (8, с. 33).

По-новому подошел к освещению вопроса об участии генуэзцев в международной торговле А. М. Чиперис, обосновавший вывод о том, что итальянцы наряду с купцами стран Востока в XIII—XIV вв. внесли заметный вклад в восстановление торговых связей Средней Азии с Крымом и Восточной Европой (15, с. 94).

Новый взгляд на роль западноевропейцев в развитии торговых контактов между Западом и Востоком не был безоговорочно разделен всеми советскими исследователями. В вышедшем в свет в 1974 г. сборнике статей «Феодальная Таврика» были помещены работы, в которых высказывались разные мнения по этому поводу.

В своей статье «Солхат и Каффа в XIII—XIV вв.», включенной в сборник, М. К. Старокадомская продолжает настаивать на том, что генуэзские купцы принимали участие в восточной торговле в качестве перекупщиков, и отрицает возможность их поездок даже в ближайшие города Золотой Орды, исключая Солхат (16, с. 171). Поддержал позицию М. К. Старокадомской в своей рецензии на сборник «Феодальная Таврика» А. Л. Якобсон (17, с. 205).

Иную позицию отстаивают на страницах сборника В. В. Бадян и А. М. Чиперис. Эти исследователи не высказывают даже тени сомнения в том, что генуэзские и другие западноевропейские купцы принимали непосредственное участие в торговых экспедициях в восточные страны (11, с. 189). Хорошая осведомленность европейцев о караванных путях, соединявших берега Черного моря с рынками Востока, и об условиях торговли на этих рынках в XIV—XV вв. проявилась в составлении в это время подробных карт, на которых довольно точно были нанесены транзитные пункты трансконтинентальных маршрутов, а также в появлении

трактата Пеголотти, в котором эти маршруты подробно описывались. О проведении генуэзцами активной торговой экспансии на восток свидетельствуют многочисленные факты. Приведем лишь два из них: в начале XIV в. в Тебризе функционировало генуэзское консульство, а в 20-е гг. того же века уже существовало поселение генуэзцев в Зайтоне (Цюаньчжоу) (18, с. 55, 85).

Исследование ремесленного производства генуэзской Каффы было предпринято в работах И. А. Гольдшмидт. Впервые попытка рассмотрения столицы генуэзских владений в Черном море как ремесленного центра была предпринята в ее кандидатской диссертации (9, с. 5—7). Работа в этом направлении продолжена в статье «Некоторые данные о ремесленном производстве в Каффе в XIII—XV вв.» (19, с. 195—205). В этой публикации приводятся сведения о высоком развитии в городе ремесел, связанных с судостроением (кузнецы, конопатчики, багифоли, ткачи и проч.) (19, с. 196—197), о процветании здесь уже с конца XIII в. скорняжного производства (19, с. 201). У ремесленников перечисленных профессий, по мнению И. А. Гольдшмидт, существовала цеховая организация (19, с. 205). В доказательство последнего вывода автор приводит собранные воедино сведения документов XIII—XV вв., из которых следует, что в Каффе имела место практика заключения договоров об ученичестве, скорняки занимали в городе отдельный квартал (19, с. 200). Кроме того, у ремесленников ряда профессий имелись старшины; а их (ремесленников) имена записаны в общие списки (матрикулы) (19, с. 197—198).

Заслуживает уважения тщательность, с которой И. А. Гольдшмидт отбирает эти скудные данные, однако необходимо отметить, что сделанный вывод не беспорочен.

Договор об ученичестве может свидетельствовать лишь об использовании генуэзцами в Каффе традиционной для них правовой формы. Совместное проживание в одном квартале ремесленников, имеющих одну профессию,— явление широко распространенное и не всегда связанное с их объединением в цех. Требование Устава Каффы 1449 г. о составлении матрикулов и назначении старшин для каменщиков, конопатчиков, плотников было вызвано необходимостью организовать массовый уход из города ремесленников этих важных для обороны профессий,

о чем прямо говорится в самом Уставе (20, с. 815).

Таким образом, ни одно из приведенных в статье И. А. Гольдшмидта доказательств само по себе не свидетельствует о существовании в генуэзской Каффе цехового строя. Разрыв же во времени между документами довольно значителен. Договор об ученичестве, например, был составлен в конце XIII в., а матрикулов, судя по всему, до середины XV в. в Каффе не составлялось.

И. А. Гольдшмидт, отыскивая подтверждения существования цехового строя у каффинских ремесленников, исходила из убеждения, что его наличие свидетельствует о достижении ремеслами новой, более высокой ступени развития их производительных сил (19, с. 198). На самом деле в городах Западной Европы цехи возникали для защиты интересов товаропроизводителей в условиях неустойчивости только зарождавшихся товарно-денежных отношений. Каффа с самого начала своего существования представляла собой прежде всего торговый центр с довольно высоким уровнем товарно-денежных отношений, и населявшие ее ремесленники едва ли испытывали необходимость в цеховой регламентации. Когда же вследствие политических причин у властей Каффы возникла потребность регламентировать жизнедеятельность ремесленного населения города, они прибегли к введению организационной структуры, внешне напоминавшей цех. Но в данном случае эта структура насаждалась сверху и была направлена на закрепощение ремесленников.

Отметим все же, что для постановки вопроса о наличии в генуэзской Каффе цехового строя совокупности данных, приведенных И. А. Гольдшмидт, вполне достаточно.

Значительное место в статье И. А. Гольдшмидт занимает исследование социальной структуры ремесленного населения Каффы. Интересной представляется предлагаемая ею трактовка термина «*laboratores*» как обозначение наемных работников, труд которых широко применялся в генуэзской Каффе (19, с. 198—200). В работе рассматривается также процесс имущественного расслоения среди каффинских ремесленников и вскрывается характерная для него практика эксплуатации зажиточными кредиторами ремесленников-должников, вынужденных отчислять в их пользу часть своего дохода. Пра-

ва на таких должников могли перепродаваться (19, с. 201—202).

В советской историографии широкое освещение получили вопросы социально-политической истории генуэзских колоний Крыма.

Анализу административного устройства Каффы посвящены разделы диссертаций М. К. Старокадомской и И. А. Гольдшмидт (5, с. 11—13; 9, с. 10—15). Наиболее полно изменения, происшедшие в нем после передачи управления колониями Черного моря банку св. Георгия, рассматриваются в статьях А. М. Чипериса и Э. В. Давиловой (21, с. 245—266; 22, с. 189—214).

С. А. Секиринский в книге «Очерки истории Сурожа» большое внимание уделил существовавшей в генуэзской Солдае системе колониального управления. При этом автор исследования указывает на то, что высшие должности в административной иерархии города занимали только генуэзцы, назначаемые из метрополии, а другие посты предоставлялись выходцам из зажиточных слоев, избираемым узким кругом местных чиновников (8, с. 42, 45—46). Исходя из анализа этого положения, характерного для всех генуэзских колоний, С. А. Секиринский приходит к выводу о несостоятельности представлений об их политическом строе как о демократическом (8, с. 33—34).

В статье, посвященной Чембальскому востанию 1433—1434 гг., А. М. Чиперис наряду с хозяйственной жизнью Чембало описывает деятельность колониальной администрации, направленную на эксплуатацию подвластного генуэзцам населения этого города, а также его округи (23, с. 293—295).

Изучение социальных отношений в крымских колониях генуэзцев осложнена тем, что их многоэтничное население принадлежало к различным религиозным конфессиям, делилось на дворян и недворян, гвельфов и гиббеллинов. Кроме того, в колониях существовали своеобразные сословия: генуэзских граждан (*cives*), граждан Каффы или других городов (*burgenses*), а также «обитателей» (*habitatores*). Ни одно из перечисленных делений не совпадало с классовым. Проявление классовых различий, таким образом, преломлялось через многочисленные социальные перегородки.

Сложность социальной структуры населения крымских городов не раз приводила исследователей, бравшихся за ее рассмотрение, к терминологической путанице. Так, напри-

Иер, Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко называют генуэзских граждан, а также граждан Каффы двумя слоями эксплуататорского класса, отделяя их тем самым от «обитателей» (3, с. 28, 32). Однако из Устава 1449 г. явствует, что непроходимой пропасти между *burgenses* и *habitatores* не существовало. Для того, чтобы стать каффинскими гражданами, «обитателям» достаточно было прожить больше года в городской черте (20, с. 765). Неверным представляется и отнесение всех без исключения генуэзских граждан, проживавших в колониях, в разряд эксплуататоров. Неточности, допущенные Е. С. Зевакиным и Н. А. Пенчко, тем более досадны, что в их работе упоминается и приведенная выше статья Устава Каффы (3, с. 30) и совершенно справедливо говорится о социальной неоднородности слоя *cives*, включавшего в себя как представителей высшей колониальной администрации, так и наемных работников (3, с. 11).

Повторяется неверная трактовка терминов «*cives*» и «*burgenses*» А. М. Чиперисом (21, с. 264). Не совсем понятны сомнения В. В. Бадяна и А. М. Чипериса относительно термина «*habitatores*» (11, с. 175), хотя то, что им обозначались лица, временно или недавно (менее года) проживавшие в Каффе, не вызывает сомнений.

Итак, гражданскими правами в генуэзских колониях пользовались *cives* и *burgenses*. Естественно, что далеко не все представители этих слоев могли попасть в состав чиновничьей верхушки колоний, хотя Устав 1449 г. не предусматривает никаких ограничений на этот счет. Правящую прослойку генуэзских владений в Черном море точнее всего обозначает термин «*populo grosso*». Так именовались зажиточные слои колониального населения, которые, по верному замечанию Е. С. Зевакина и Н. А. Пенчко, оттеснили от реальной власти малоимущих — «*populo minuto*» (3, с. 6). *Populo grosso* включал в себя в основном дворян (*nobiles*), а также купечество (*mercanti*) (21, с. 256). Система формирования администрации колоний, построенная фактически на кооптации, позволяла не допускать к реальному участию в управлении даже выходцев из средних слоев населения подвластных генуэзцам территорий, не говоря уже о малоимущих.

Значительное место в советской историографии занимает литература, посвященная классовой борьбе в генуэзских городах-коло-

ниях. Особенно заметный вклад в разработку этой темы внес А. М. Чиперис. Уже в кандидатской диссертации он обосновал вывод, что основными причинами обострения классовой борьбы в колониях Причерноморья в 30—70-е гг. XV в. были ухудшение торговой конъюнктуры и усиление эксплуатации местного населения со стороны генуэзской администрации (24, с. 9а).

Любопытна статья А. М. Чипериса «Социально-экономическое положение и движение моряков, социев и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV—XV вв.», в которой он устанавливает, что жалование большинства моряков и наемных солдат, получаемое за службу на кораблях и в гарнизонах крепостей, было ниже прожиточного минимума. Именно это обстоятельство, считает А. М. Чиперис, порождало ту политическую активность, которую они проявляли в ходе народных выступлений в генуэзских колониях (25, с. 74). Исследователь обращает внимание на то, что движения моряков, социев и стипендиариев были тесно связаны с борьбой городских низов (25, с. 79).

В следующей своей работе А. М. Чиперис показывает, что одной из главных причин обострения социальных конфликтов в крымских колониях генуэзцев на протяжении XV в. стало ухудшение их экономического положения, и, в конечном счете, этот кризис не позволил населению крымских городов сплотиться для отпора османской агрессии (26, с. 131—155).

Анализ классовой борьбы в генуэзских колониях Крыма после передачи их во владение банку св. Георгия — главная тема статьи А. М. Чипериса «Внутреннее положение и классовая борьба в Каффе в 50—70 гг.» (21, с. 245—266). Автор прослеживает, как на протяжении последних лет существования владений генуэзцев на берегах Черного моря возрастал налоговый гнет со стороны метрополии. В 1415 г. доходы от эксплуатации колоний составили 3 030 226 лир, в 1454 г. — 7 950 320, в 1460 — 9 983 371, а в 1470 г. они возросли до 12 039 334 лир (21, с. 253). Неуклонный рост налогообложения вызывал недовольство среди подвластного генуэзцам населения, приводил к обострению его борьбы против колониальных властей.

Еще Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко отмечали такое проявление протеста обитателей крымских городов, как массовое бегство из генуэзских владений (3, с. 14, 16). Другой

формой борьбы стали вооруженные восстания.

В уже упоминавшейся работе, посвященной восстанию в Чембало, А. М. Чиперис оценивает его характер как народно-освободительный, направленный против колониального гнета (23, с. 307). В крупнейших восстаниях в Каффе 1454 и 1471 гг. исследователь видит прежде всего выступление социальных низов города, стремящихся, по его мнению, к свержению эксплуататорских классов (21, с. 257).

Представляется, что и причины, и цели как этих каффинских восстаний, так и ряда неудачных заговоров были гораздо сложнее и многообразнее. Происходили они в период, когда протекторы банка св. Георгия стремились опереться прежде всего на мобилитет, ограничивая участие в управлении колониями даже наиболее состоятельных, но незнатных жителей черноморских владений. Борьба за власть между различными слоями правящей верхушки очень часто переплеталась с народным движением. Двойко звучит при такой трактовке лозунг восстания 15 сентября 1454 г.: «Да здравствует народ! Смерть зпачным!»

Нет сомнений, что народные массы Каффы выступали прежде всего против усилившейся эксплуатации, но, по всей видимости, их недовольство стремилось использовать в своих интересах определенная прослойка зажиточного населения колоний, равнявшаяся к власти.

К сожалению, не получил достаточного освещения в научной литературе вопрос о национальных отношениях в крымских колониях генуэзцев. Многие авторы ограничиваются перечислением народов, но оценка места различных этнических групп в жизни колоний, как правило, отсутствует. Из работ, посвященных этой теме, можно отметить обстоятельное исследование В. А. Микаэляна «На крымской земле», освещающее историю армянского населения средневекового Крыма (27, 209 с.), а также статью М. К. Старокадомской, в которой доказывается, что русские купцы не только регулярно посещали Каффу, но и проживали в этом городе постоянно (28, с. 147—154).

Подводя итоги нашему обзору, можно выделить три этапа в развитии исследований социально-экономической истории генуэзских городов — колоний Крыма.

Первый этап (конец 30-х — первая половина 50-х гг.) завершился выработкой концепции генуэзской колонизации. Ошибочность и тенденциозность многих утвердившихся в то время положений очевидны.

В работах второго этапа (середина 50-х — середина 60-х гг.) шло количественное накопление фактов и идей, разрабатывались конкретные вопросы социально-экономической истории колоний. На исследования этого этапа определяющее воздействие оказала выработанная в предыдущие годы концепция. Ее влияние на развитие историографии генуэзских колоний постепенно преодолевается лишь в работах третьего этапа, продолжающегося по сей день.

В публикациях середины 60-х—80-х гг. сначала памятилась тенденция нового, более объективного подхода к освещению конкретных проблем истории колоний, а затем постепенно начался отход от отдельных положений, связанных с оценкой характера, целей, методов и последствий генуэзской колонизации. Так, С. А. Секиринский в работе «Крепость в Судак», написанной им в соавторстве с О. В. Волобуевым и К. К. Когоношвили, пересматривает прежнее, однозначно негативную характеристику деятельности генуэзцев в Северном Причерноморье (29, 103 с.). А. Г. Еманов, выделяя два этапа в процессе проникновения итальянских торговых городов в Черное море, считает, что лишь на втором (с конца XIII в.) оно приобретает черты территориальной экспансии (30, с. 65—66).

В последние годы в разработке социально-экономических аспектов генуэзской колонизации Крыма наступило определенное затишье. После 1974 г. только статью А. Г. Еманова можно отнести непосредственно к этой теме (30, с. 62—68). В целом ряде своих работ, посвященных истории Трапезундской империи, затрагивает близкие к проблемам Крымского средневековья вопросы С. П. Карпов (31, 231 с.; 32, с. 191—207; 33, с. 81—87; 14, с. 139—145; 34, с. 17—23; 35, с. 23—32). Этому же автору принадлежит рецензия на крупнейшее в современной зарубежной историографии исследование по истории генуэзской Романьи М. Балара (36, с. 212—218).

Изучение истории генуэзских городов — колоний Крыма далеко не завершено. Из социально-экономических вопросов, требующих дальнейшего исследования, наиболее

актуальными представляются продолжение изучения ремесленного производства и организации ремесленников Каффы, проблема национальных и религиозных отношений во владениях генуэзцев, а также такой малоизученный вопрос, как экономические связи городов-колоний с ближайшей сельской округой.

Значительную роль в решении этих и многих других проблем должно сыграть обобщение материалов, полученных в результате

археологических исследований. Примером такой работы является статья Е. А. Айбабиной, посвященная оборонительным сооружениям генуэзской Каффы (37, с. 67—81).

Необходимость в новых исследованиях возрастает еще и потому, что в наше время публикуются новые документы, освещающие различные стороны жизни колоний, но не нашедшие пока отражения в отечественной историографии (38, с. 224—230).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Skrzinska E. Inscriptions latines des Colonies Genoises en Crimée (Theodosie — Soudak — Balaclava) // *Atti della Societa Ligure di Storia Patria*. — Genova, 1928, v. MCMXXVIII.
2. Зевакин Е. С., Печко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII—XV вв. // *Исторические записки АН СССР*. 1937. Вып. 3.
3. Зевакин Е. С., Печко Н. А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. // *Исторические записки АН СССР*. 1940. Вып. 7.
4. Решение объединенной сессии Отделения истории и философии Крымского филиала Академии наук СССР по вопросам истории Крыма от 25 мая 1952 г. Симферополь: Крымиздат, 1952.
5. Старокадомская М. К. Очерки истории генуэзской Каффы конца XIII — первой половины XV в. / Автореферат канд. дисс. М. 1950.
6. Стоклицкая-Терешкович В. В., Маловист М. Кафа — генуэзская колония в Крыму и восточная проблема в 1453—1475 гг., 1947 // *ВВ*. 1951. Вып. 4.
7. Секиринский С. А. О переоценке роли генуэзских колоний в истории Крыма / Тезисы доклада на сессии по истории Крыма. Симферополь: Крымиздат, 1952.
8. Секиринский С. А. Очерки истории Сурожя. Симферополь: Крымиздат, 1955.
9. Гольдшмидт И. А. Каффа — генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV в. // Автореферат канд. дисс. М., 1952.
10. Чиперис А. М. К истории Чембальского восстания // *Ученые записки Туркм. ГУ*. Ашхабад, 1961. Вып. XIX.
11. Бадяк В. В., Чиперис А. М. Торговля Каффы XIII—XV вв. // *Феодальная Таврика*. Киев: Наук. думка, 1974.
12. Гейд В. История восточной торговли в средние века / пер. Л. П. Колли // *ИТУАК*. 1915. Вып. 52.
13. Balard M. La Romanie Génoise (XII-e debut du XV-e siècle). — Roma, 1978, v. I.
14. Карпов С. П. Работоторговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // *ВВ*. 1986. Вып. 46.
15. Чиперис А. М. К вопросу о торговых связях Средней Азии с Крымом и Восточной Европой в VIII—XIV вв. / *Ученые записки Туркм. ГУ*. Ашхабад, 1964. Вып. XXXI.
16. Старокадомская М. К. Солхат и Каффа в XIII—XIV вв. // *Феодальная Таврика*. Киев: Наук. думка, 1974.
17. Якобсон А. Л. Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Рецензия // *ВВ*. 1977. Вып. 38.
18. Свет Я. М. После Марко Поло. Путешествия европейских генуэзцев в страны трех Индий. М.: Наука, 1968.
19. Гольдшмидт И. А. Некоторые данные о ремесленном производстве в Кафе в XIII—XV вв. // *Средние века*, 1957. Вып. X.
20. Устав для генуэзских колоний в Черном море / Вступ. ст., пер. и комм. В. Н. Юркевича // *ЗООИД*. 1963. Т. V.
21. Чиперис А. М. Внутреннее положение и классовая борьба в Каффе в 50—70 гг. XV века // *Ученые записки Туркм. ГУ*. Ашхабад, 1962. Вып. XXI.
22. Данилова Э. В. Каффа в начале второй половины XV в. (по документам «Codice») // *Феодальная Таврика*. Киев: Наук. думка, 1974.
23. Чиперис А. М. К истории Чембальского восстания // *Ученые записки Туркм. ГУ*. Ашхабад, 1961. Вып. XIX.
24. Чиперис А. М. Экономическое положение и классовая борьба в крымских городах в 30—70 годы XV в. / Автореферат канд. дисс. — М., 1953.
25. Чиперис А. М. Социально-экономическое положение и движение моряков, соций и стипендиариев в генуэзских колониях Крыма в XIV—XV вв. // *Ученые записки Каб. ПИ*. — Нальчик, 1956. Вып. 9.
26. Чиперис А. М. Борьба народов Юго-Востока против экспансии султанской Турции в 50—70 гг. // *Ученые записки Туркм. ГУ*. Ашхабад, 1960. Вып. XVII.
27. Микаэлян В. А. На крымской земле. — Ереван: Айстан, 1974.
28. Старокадомская М. К. Русское

- торговое население генуэзской Каффы // ИАСК. М. 1958.
29. Секрипский С. А., Волобуев О. В., Когоношвили К. К. Крепость в Судак. Симферополь: Таврия, 1983.
 30. Еманов А. Г. К вопросу о ранней итальянской колонизации Крыма // Византия и ее провинции. Свердловск, 1982.
 31. Карпов С. П. Трапезундская империя и Запад. М.: МГУ, 1981.
 32. Карпов С. П. Венецианская работорговля в Трапезунде (конец XIV — начало XV в.) // Византийские очерки. М.: Наука, 1982.
 33. Карпов С. П. Итальянская торговля в Трапезунде и ее воздействие на экономику поздневизантийского города // ВВ. 1983. Вып. 44.
 34. Карпов С. П. Налогообложение итальянской торговли и объем товарооборота в городах Южного и Юго-Восточного Причерноморья (XIV — середина XV в.) // ВВ. 1986. Вып. 47.
 35. Карпов С. П. Контракт комменды в итальянской торговле в Южном Причерноморье (XIII—XV вв.) // ВВ.— 1987.— Вып. 48.— С. 23—32.
 36. Карпов С. П., Ballard M. La Romanie Génoise (XII-e debut du XV-e siecle), I—II, Roma; Genova, 1978 / Рецензия // ВВ. 1981. Вып. 42.
 37. Айбабича Е. А. Оборонительные сооружения Каффы // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев: Наук. думка, 1988.
 38. Карпов С. П. Источники и исследования по истории Генуи и Генуэзской Романьи: Collana Storica di Fonti e Studi Diretta da Geo Pistarino (Istituto di Medievistica dell' Università di Genova). Genova, 1969—1983. Vol. 1—39 / Рецензия // ВВ. 1986. Вып. 46.

В. Л. ВИХРОВИЧ, В. В. ЛЕБЕДЕВ

ЗАГАДКА 15 000 ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ

(К спорам вокруг самой большой в мире коллекции восточных рукописей, хранящихся в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, и личности ее собирателя — караимского ученого А. С. Фирковича)

В конце XVIII в. Россия прочно вышла на берега Черного моря, как в начале того же столетия на берега Балтийского.

Причерноморские степи и Крым окончательно вошли в состав Российского государства в 1783 г. Среди новых подданных Российской империи оказался маленький народ — караимы — всего около четырех тысяч человек (1, с. 75—93).

Собственно в Крыму проживало в 1783 г. 2,6 тысячи караимов. Остальную судьба забросила в Литву и на Западную Украину. В XIV в. великий литовский князь Витаутас «вывел» из Крыма и поселил их предков в своей столице Тракае, Луцке, Галиче и других городах княжества.

С глубоким уважением относились к маленькому народу, упорно сохранявшему свой образ жизни, язык и религию, соседи. В грамоте польского короля Яна Собесского от 15 сентября 1692 г. караимы названы как «...лица способные, торговые, старательные, занимающиеся торговлей лошадьми и необходимые для пользы... местностей» (2, с. 117—124). Еще и сейчас в древнем литовском городе Тракае путешественники могут видеть караимскую улицу, где, по преданию, живут потомки дружинников — стражей знаменитого Тракайского замка.

К сожалению, не сохранилось бесспорных исторических документов о происхождении основной части караимов на их исторической родине — в Крыму.

Но в этом случае остается еще один важный исторический источник — язык. «Именно он, — отмечает О. Сулейменов, — сохраняет Летопись мира, не отразившуюся в письменности» (3, с. 183).

По мнению Н. А. Баскакова, «данные караимского языка указывают, что караимы последовательно входили в состав таких племенных союзов, как гуннский, болгаро-хазарский, узо-печенежский и только позже — кыпчакско-половецкий племенной союз с господствующим языком, основные черты которого караимы сохранили и в современных диалектах» (4, с. 6).

Поскольку само слово «караим» не являлось первоначальным этнонимом и обозначало только религиозную секту иудаизма, то мы употребляем термин *тюркские*, или *восточноевропейские*, караимы.

Караимы исповедуют одну из разновидностей иудаизма, а именно ту, которая призывает только Библию, точнее Ветхий Завет. Они решительно отвергают разработанную традиционным иудаизмом сложнейшую и изощреннейшую систему толкования Библии.